

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСОКРАТА

В историю античной Греции IV век до н. э. вошел как век кризиса¹. Полисный строй классического периода не выдержал испытания временем и к середине IV в. столкнулся с такими трудностями, порожденными объективным ходом исторического развития, с которыми он уже не был в состоянии справиться. Развитие и специализация ремесла, рост крупной морской торговли, расширение сферы деятельности торгово-ростовщического капитала и, особенно после Пелопоннесской войны, усиленная концентрация собственности и одновременно разорение массы свободных производителей — все это не только привело к подрыву полисных принципов экономической автаркии и автономии, но и нарушило стабильность социальной структуры каждого отдельного полиса, усилило разложение гражданского коллектива и обострило отношения между бедными и богатыми гражданами, что было особенно опасно ввиду непрерывной угрозы возмущения рабов. Полисная система оказалась несостоятельной перед лицом этих острых проблем. Ни зыбкое единство демократических полисов в рамках Афинского морского союза, ни тем более откровенно империалистская гегемония олигархической Спарты после Пелопоннесской войны не разрешили ставившейся экономическим и политическим развитием задачи преодоления полисного партикуляризма; с другой стороны, каждое государство в отдельности демонстрировало свою неспособность справиться с внутренним разложением, преодолеть противоречия, раздиравшие граждан, создать столь необходимое для существования полиса гражданское единство и согласие. Смута охватила все города Эллады; обескровленные непрекращающейся борьбой за гегемонию, раздираемые внутренними противоречиями, полисные государства быстро клонились к упадку. Помимо всего остального, это нашло свое выражение и в том, что место гражданского ополчения, ранее выступавшего на поле боя для защиты родины, занимает наемная армия с наемными командирами — свидетельство глубокой деградации гражданского патриотического духа.

Развившись прежде всего в сфере социально-экономической и политической, кризис нашел необходимое отражение и в идеологии. Стихийно растущая аполитичность, бесплодные мечтания о возврате к золотому веку Кроноса, в особенности популярные среди народных масс, индивиду-

¹ См. А. Б. Ранович, *Эллинизм и его историческая роль*, М.—Л., 1950, стр. 10—38; О. В. Кудрявцев, *Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н. э.*, М., 1954, стр. 34—45; В. Н. Дьяков, *Гречия в первой половине IV в. до н. э.*, в кн.: *Древняя Греция*, под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова, М., 1956, стр. 391—447; В. С. Сергеев, *История древней Греции*, 3 изд., М., 1963, стр. 350—379; Cl. Mossé, *La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IVe siècle avant J. C.*, P., 1962.

алистические и космополитические настроения, все более охватывавшие верхушку общества, жажда переворота и полного передела имущества у одних и тоска по сильной власти, которая обеспечила бы надлежащий порядок, у других, были проявлениями той всеобщей неудовлетворенности, которая под влиянием успехов спекулятивной философии (в лице софистов и Сократа) вызвала к жизни критический пересмотр всех доктрин, порожденных прежде полисной жизнью. IV век — век политической теории и публицистики по преимуществу. Именно в это время достигли своего наиболее полного развития и получили наиболее яркое литературное воплощение новые политические доктрины, родившиеся в борьбе с традиционными — демократической и олигархической; усилиями главным образом сторонников второй из них родилась принципиально несовместимая с полисной системой монархическая доктрина².

В ряду политических писателей, выдвинувшихся в это время, выдающееся место принадлежит Исократу — оратору, развившему особый жанр письменного красноречия, ритору, пытавшемуся превратить занятие красноречием в орудие нравственного и политического воспитания, писателю, с чьим именем в нашем сознании и связывается по преимуществу представление о политической публицистике IV века.

§ 1. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО³

Античная традиция⁴ и сведения, сообщаемые самим Исократом («Об обмене имуществом», § 9), позволяют заключить, что он родился около 436 г. до н. э. Таким образом, он был на 8 лет моложе Ксенофонта и примерно на столько же старше Платона. Молодость всех троих прошла в бурные годы Пелопоннесской войны. Общественные потрясения тех лет, равно как и идеологические споры, оставившие след в памфлетной литературе (Псевдо-Ксенофонта «Афинская политика»), в историческом исследовании Фукидида, в пьесах Эврипида и Аристофана, должны были произвести неизгладимое впечатление на этих молодых людей — будущих творцов политической литературы IV в.

Отец Исократ — Феодор из дема Эрхия — был состоятельным человеком (он владел большой мастерской флейт); своим детям он постарался дать хорошее воспитание (ср. благодарные воспоминания Исократ в его позднейшей речи «Об обмене имуществом» — § 161).

Для формирования интеллектуального облика Исократ большое значение имело его общение в эти годы с виднейшими представителями тогдашней образованности — софистами и Сократом. Древние авторы определенно свидетельствуют, что он был учеником Горгия — знаменитого софиста и ритора, одного из ранних создателей искусства красноречия⁵. Именно усилиями Исократ горгианский стиль с его пристрастием к симметричному, антигетическому построению фразы, с его торжественными

² См. J. Kaerst, Studien zur Entwicklung und theoretischen Begründung der Monarchie im Altertum, Münch., 1898, стр. 12—38; M. Pohlenz, Staatsgedanke und Staatslehre der Griechen, Lpz., 1923, стр. 136—156; Mossé, ук. соч., стр. 375—399.

³ Об Исократе вообще см. И. М. Тронский, История греческой литературы, Л., 1946, стр. 179 сл.; очерк С. И. Соболевского в кн. «История греческой литературы», т. II, М., 1955, стр. 249—260; Fr. Blass, Die attische Beredsamkeit, 2 изд., Abt. II, Lpz., 1892, стр. 1—331; предисловие Э. Дрерупа в его издании Исократ: Isocratis opera omnia, v. I, Lpz., 1906, стр. I—CXCVII; K. Münscher, RE, Bd. IX, 1916, стб. 2146—2227, s. v. Isokrates, 2; введение Ж. Матье в его и Э. Бремона издании речей Исократ: Isocrate, Discours, I, P., 1928, стр. I—XXV; E. Mikko, Isokrates. Seine Anschauungen im Lichte seiner Schriften, Helsinki, 1954; P. Clodé, Isocrate et son temps, P., 1963.

⁴ См. Dionys. Hal., Isocr. 1; P. S. Plat., Vitae Xor. 836 f; Dio. L., III, 3.

⁵ См. Aristot. ap. Quint. Inst. or. III, 1, 13; Cic., Orator, 52, 176; Dionys. Hal., Isocr. 1; P. S. Plat., Vitae Xor. 836 f, 838 d.

эпитетами и поэтическими метафорами был пересажен — в умеренной, впрочем, и тактичной форме — на почву аттического красноречия⁶. В речах Исократов можно обнаружить также ясные следы знакомства автора с идеями и творческим методом других старших софистов — Протагора, чье влияние чувствуется в развиваемых Исократом положениях о необходимом единстве трех воспитательных факторов — дарования, опыта и обучения (см. *Isocr.*, XIII, 14—18; XV, 186 слл.), о развитии человечества от состояния примитивной дикости к цивилизации (см. *Isocr.*, IV, 28 слл.; III, 5 слл.; XV, 253—257); Продика Кеосского, которому Исократ, очевидно, обязан любовью к точному расчленению понятий и сопоставлению синонимов; наконец, Фрасимаха Калхедонского, от которого он, по-видимому, заимствовал стремление подчинить течение речи известному ритму⁷. О связях с кругом софистов говорит и его женитьба на вдове софиста Гиппия Платане.

Не менее сильным было воздействие на Исократов сократической философии. Не подлежит никакому сомнению, что он лично был знаком с Сократом (следы этого знакомства мы находим у Платона в диалоге «Федр»), и хотя ни учеником его в собственном смысле слова, ни последователем (как и вообще философом в современном понимании) не был, он многим был обязан афинскому философу и его школе и прежде всего — своим стремлением внести в риторику этический элемент, сделать из нее орудие политического и нравственного воспитания⁸.

Впрочем, общение с Сократом и членами его кружка должно было оказывать не только общее влияние на формирование духовного облика Исократов, но и более конкретно — на его политические воззрения, в смысле приобщения к критическому взгляду на афинскую демократию, к антидемократическим идеям и настроениям. То, что Исократ уже в эти годы мог сочувствовать антидемократическому движению, доказывается его близостью к одному из самых видных вождей умеренного крыла афинской олигархии Ферамену, близостью, подтверждаемой не столько позднейшими (и весьма сомнительными) указаниями на то, что наш оратор был учеником Ферамена⁹, что он вместе с Фераменом занимался составлением каких-то руководств по риторике (*Ps.-Plut., Vitae X or. I.c.*), что он пытался защитить Ферамена при его аресте (там же), сколько очевидным совпадением взглядов Исократов на лучшее государственное устройство, на *πάτριος πολιτεία* (в речах «О мире» и «Ареопагитик») с программой Ферамена, а также тем бросающимся в глаза сочувствием, которое проявляет по отношению к Ферамену ученик Исократов Эфор (в изложении Диодора — см. *Diod.*, XIII, 38; XIV, 3—5)¹⁰.

Нам ничего не известно о практической деятельности Исократов как политика или писателя до окончания Пелопоннесской войны; трудно даже сказать, как вообще сложилась бы его судьба, если бы не одно чисто материальное обстоятельство, которое заставило его проявить решительность в выборе профессии. Желая поправить свои дела, так как состояние отца было потеряно в последние годы Пелопоннесской войны («Об обмене имуществ», § 161), Исократ обратился к занятию логографа, т. е. платного составителя речей для тяжущихся в суде, — ремеслу столь же распрост-

⁶ О влиянии Горгия на Исократов см. E. S c h e e l, *De Gorgianae disciplinae vestigiis*, Diss., Rostock, 1890, стр. 5—43.

⁷ W. N e s t l e, *Spuren der Sophistik bei Isokrates*, «*Philologus*», LXX, 1911, стр. 1—51.

⁸ О воздействии на Исократов идей сократической философии см. H. G o m p e r z, *Isokrates und die Sokratik*, «*Wiener Studien*», XXVII, 1905, стр. 163—207.

⁹ См. D i o n y s. H a l., *Isocr.* 1; *Ps.-Plut., Vitae X or.* 836 f — 837 a; *Incerti auctoris vita Isocr.*, p. 101 Dind.

¹⁰ M ü n s c h e r, *ук. соч.*, стб. 2153.

Несомненно, однако, что это занятие не могло увлечь Исократу на всю жизнь: его литературному вкусу, сформировавшемуся в школе Горгия, сродни было не столько судебное, сколько торжественное, «эпидейктическое» красноречие (следы пристрастия к этому последнему отчетливо видны уже в первых судебных речах оратора, в особенности же в XX, XVI и XIX), его нравственным убеждениям, сложившимся под сильным влиянием Сократа, претила роль наемного адвоката; наконец, присущее ему честолюбие влекло его в более высокую сферу политических интересов и государственной деятельности. Вот почему, как только позволили обстоятельства, он немедленно оставил ремесло логографа и обратился к более почетному виду ораторской деятельности — составлению речей на политические темы. Но карьера политического оратора в собственном смысле была для Исократы закрытой. Этому мешали, по его собственному признанию, природная слабость голоса, врожденная робость (V, 81; ср. XII, 10), нежелание расстаться с тихой, спокойной жизнью (XV, 4, 151 сл.), а главное, — о чем он сам нигде не говорит, но что является весьма вероятным, — сознание невозможности для человека, критически настроенного по отношению к современной демократии, открыто бороться в народном собрании с тогдашними вождями демоса — демагогами. Поэтому Исократ занялся преподаванием ораторского искусства и одновременно политической публицистикой. Это давало ему возможность в случае успеха иметь хороший доход и в то же время, оставаясь как бы в тени, принимать активное участие в политической жизни, выступая если не с устным, то с оказывающим достаточно сильное влияние письменным публичным словом ¹¹.

Школа Исократа стала крупнейшим центром риторического образования в Элладе. Как сообщает сам Исократ (XV, 87 сл.), издаваемые им речи привлекли внимание всего тогдашнего культурного мира, и из самых

¹¹ Если верить сообщению автора «Жизнеописаний 1) ораторов», то первоначально Исократ занялся преподаванием искусства на Хиосе (P s.-P l u t., Vitae X or. 837 b). Далее там же сообщается, что Исократ на Хиосе провел реорганизацию политического строя в духе своего отечества (837 с). Это могло иметь место в 393—392 гг. после битвы при Кинде, когда началось освобождение островов от спартанского ига. Оратор мог быть вызван на Хиос Кононом, с которым его должны были связывать близкие отношения через сына Конона Тимофея, любимого ученика Исократа. Забываясь по просьбе Конона устройством хиосских дел, Исократ мог одновременно заниматься и преподаванием, а вернувшись в Афины, продолжить эту деятельность. См. H. U s e n e r, Abfassungszeit des platonischen Phaidros, «Rhein. Mus. für Phil.», XXXV, 1880, стр. 145—147; Th. B e r g k, Fünf Abhandlungen zur Geschichte der griechischen Philosophie und Astronomie, Lpz, 1883, стр. 30; M ü n s c h e r, ук. соч., стб. 2170 сл. Сомневаются в достоверности этих сообщений: B l a s s, ук. соч., стр. 16—17; U. W i l a m o w i t z - M ö l l e n d o r f f, Platon, 2 изд., Bd. II, B., 1920, стр. 107, прим. 1.

отдаленных районов, вплоть до далекого Понта¹², к нему стали прибывать ученики. Цицерон писал впоследствии, что дом Исократы был открыт для всей Эллады как некая школа и мастерская, где выковывалось искусство красноречия (Cic., Brut. 8,32).

Обучение в школе Исократы, как он сообщает в указанной выше речи (XV, 87 слл.), длилось 3—4 года, а число учеников, согласно указанию «Жизнеописаний 10 ораторов», доходило до ста человек¹³. Плата за обучение была высокой — 1000 драхм. Вскоре оратор стал состоятельным по тогдашним афинским масштабам человеком: об этом свидетельствует то, что он неоднократно привлекался к выполнению такой дорогостоящей литургии, как триерархия. Высокая плата за обучение определила и состав учеников: в подавляющем большинстве они принадлежали к зажиточным, аристократическим кругам. Здесь получили подготовку многие знаменитые впоследствии политические деятели, ораторы, историки и даже поэты (как, например, трагик Феодект). Среди учеников Исократы мы находим ораторов Исея, Ликурга, Гиперида. Любимый ученик Исократы Тимофей стал крупнейшим полководцем и политическим деятелем Афин в 70—50-х гг. IV в. Учились у Исократы тиран Гераклеи Клеарх, афинский оратор и политический деятель Леодамант из дема Ахарны, историки Андротион, Эфор, Феопомп и др. По выражению Цицерона (Cic. De or. II, 22), из школы Исократы, как из троянского коня, вышли одни только предводители. В учебном заведении Исократы ежемесячно устраивались состязания, победители которых награждались венками. По видимому, Исократ составлял и письменные руководства по ораторскому искусству (τέχνη), о которых упоминается в одном из отрывков Филодема, найденном среди Геркуланских папирусов (Vol. Herc., XI, 96).

Итак, в конце 90-х гг. IV в. в жизни Исократы наметился крутой поворот, и с ним, очевидно, связаны составление и публикация речи XIII — «Против софистов» (около 390 г. до н. э.). Это — программный документ, своего рода манифест, с которым Исократ выступил в начале своей преподавательской деятельности (ср. XV, 193 сл., где говорится об «обещаниях», которые дают преподаватели красноречия поступающим к ним в обучение, и где в связи с этим как раз и упоминается эта речь). Произведение носит резко полемический характер. Автор подвергает уничтожающей критике всю тогдашнюю софистическую науку — как философов в собственном смысле слова (включая, по-видимому, и представителей сократовской школы), так и риториков, своих современников, преувеличивающих легкость овладения риторикой, а также ораторов прошлой эпохи, низводивших искусство красноречия до уровня науки, единственной областью применения которой является судебное дело. Им всем Исократ противопоставляет собственный взгляд на задачи риторики, которая должна и поставляет средством не только образования, но и нравственного и политического воспитания. Понятая таким образом риторика возводится Исократом в ранг высшей науки — философии¹⁴. Оратор объявляет целью своей деятельности преподавание именно такой науки; при этом, однако, он не скрывает (ср. XV, 187), что успешное овладение этой наукой воз-

¹² О происходившем с Понта ученике Исократы сообщает философ Спевзипп в письме к царю Филиппу II (перевод см. в «Хрестоматии по истории древней Греции», М., 1964, стр. 418 слл.).

¹³ Исчерпывающий обзор традиции о школе Исократы см. P. S a n n e g, De schola Isocrateae, Diss. Halle, 1867; см. также B l a s s, ук. соч., стр. 17—21, 52—61.

¹⁴ Примеры употребления термина «философия» в таком именно смысле, для обозначения риторического образования, преследующего цели нравственно-политического воспитания, можно встретить во многих последующих речах Исократы (ср., например, IV, 47; II, 35; IX, 77 слл.; V, 29; XV, 180 слл.).

можно для ученика лишь при счастливом сочетании трех важных факторов — природного дарования, опыта и правильного обучения¹⁵.

Конечно, попытка Исократу сблизить риторику с философией, искусство красноречия с политической наукой стояла в прямой связи с требованиями дня, отражала реальное сближение красноречия с политикой, столь характерное для общественной жизни Греции в классический период. Однако при этом бросается в глаза чисто механическое соединение различных элементов, выработанных софистами и школой Сократа. Причудливое, эклектическое, хотя и достаточно гибкое сочетание элементов риторики и софистики — вот суть той новой науки, представителем которой провозглашал себя Исократ, сам полуритор-полусофист, чье призвание составляла именно «срединная» наука, которая должна была впитать в себя элементы риторики и политики, т. е. публицистика. Вызывалось предположение, что эта программная речь была направлена также и против Платона, который ответил на нее своим диалогом «Эвтидем». Там он (р. 304 слл.) с оттенком презрения, не называя, однако, Исократу, говорит о тех недоучках, которые, занимаясь чем-то средним между философией и политикой, не достигают настоящего успеха ни в одной из этих областей.

Кроме речи «Против софистов» к первому десятилетию деятельности Исократу в качестве ученого ратора относятся еще два чисто софистических опыта, демонстрировавших принципы новой науки, впрочем, пока еще на совершенно отвлеченных предметах, — речь XI — «Бусирис» (около 388—386 гг.) и речь X — «Похвала Елене» (около 384—381 гг.). Каждая из этих эпидейктических речей была составлена в качестве ответа на соответствующие, по мнению Исократу совершенно неудовлетворительные, опыты современных ему софистов (в первом случае это была речь Поликрата «Апология Бусириса», во втором — соответствующее сочинение Горгия или, скорее, другого, более позднего софиста, может быть, ученика самого Исократу)¹⁶. Впрочем, сколь ни были бы отвлеченными темы этих своеобразных «школьных» упражнений, в них можно заметить проблески политических идей, характерных для последующих публицистических произведений Исократу. В «Бусирисе» — это идеализация древнейшего политического строя и быта египтян (см. § 15 слл.), возможно, навеянная аналогичными опытами Платона¹⁷, в «Елене» — наброски образа идеального правителя-монарха (в лице Тесея — § 31 слл.) и даже — здесь именно впервые у Исократу — провозглашение идеи объединения эллинов, предваряющее скорое появление «Панегирика».

Этими выступлениями, а также успешной оратора-публициста. Деятельностью Исократ приобрел славу выдающегося направления. Уже в первых выступлениях его развивалась в определенном направлении. Уже в первых своих эпидейктических речах он выразил, как мы видели, в общей форме не только свое стремление заниматься политическим красноречием (речь «Против софистов»), но и дал, правда пока еще походя, в связи с обработкой других сюжетов, первые образцы рассуждений на политические темы («Бусирис», «Елена»). Теперь, к концу первого десятилетия своей новой деятельности он заканчивал работу над большим произведением, цели

¹⁵ Подробнее о педагогических воззрениях Исократу см. Mikko la, ук. соч., стр. 193 слл.; W. Jaeger, Paideia, 3 изд., Bd. III, B., 1959, стр. 105 слл.

¹⁶ Münscher, ук. соч., стб. 2180 слл.; см. также статью Бремона в издании: Isocrate, Discours, I, стр. 157 слл.

¹⁷ J. Teichmüller, Literarische Fehden im 4. Jahrhundert v. Chr., I, Breslau стр. 106 слл.; Münscher, ук. соч., стб. 2179 сл.

ком уже посвященным политической теме. Это был «Панегирик», опубликованный в 380 г. к очередным Олимпийским играм. С этого времени и до самой смерти в 338 г. политика становится главной темой его эпидейктических речей.

§ 2. ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

«Панегирик» (речь IV по традиционной нумерации) — первое собственно политическое и вместе с тем наиболее совершенное литературное творение Исократа¹⁸. Автор, по его собственному признанию, долго работал над этим произведением, стремясь наиболее полно развить и обосновать идею, которая с этих пор станет главной в его политической публицистике, — идею объединения эллинов для совместного завоевательного похода против персов. Идея эта сама по себе не была новой; ее развивали и другие (ср. указания самого автора в начале речи — § 3 слл.), в частности Горгий в своей «Олимпийской речи», а затем и Лисий в аналогичном выступлении (с той, впрочем, разницей, что у него врагом, против которого должны были выступить объединившиеся греки, объявлялся не персидский царь, а сицилийский тиран Дионисий Старший). Однако лишь у Исократа эта идея получила полное и всестороннее развитие, выросла в целую доктрину, которой оратор подчинил все остальное свое творчество.

Непосредственным толчком к созданию «Панегирика» явилась та политическая обстановка, которая сложилась в Греции к середине 80-х гг. IV в. Кратковременная гегемония Спарты после Пелопоннесской войны сменилась новой междоусобицей, которая ослабила греческие полисы и сделала возможным униженный Анталкидов мир (386 г.), приведший к временному установлению контроля персов над греческими делами. С другой стороны, все явственнее выступали симптомы социального кризиса, на что содержатся недвусмысленные указания в «Панегирике» (см. § 115 слл., 167 слл.), Тревогой Исократа за судьбы своего отечества было продиктовано создание этого сочинения, но тревогой не абстрактной, а отражающей опасения именно состоятельной части граждан полиса.

Структурно «Панегирик» четко делится на две части. В первой части (§ 19—132), продолжающей традицию торжественных речей, посвященных прославлению отечества (прежде всего эпитафиев, подобных знаменитой речи Перикла в сочинении Фукидида — II, 35—45), автор прославляет героическое прошлое Афин и их заслуги перед эллинами, обосновывает право Афин на гегемонию в Элладе и таким образом доказывает возможность объединения греческих полисов под руководством Афин. Воздвижение Исократом на первый план своего родного города как возможного инициатора объединения Эллады объяснялось не только вполне для него естественным чувством полисного патриотизма, но и тем, что Афины переживали в это время новый расцвет своего могущества (речь была создана накануне образования второго Афинского морского союза). Однако отсюда еще не следует, что «вся речь в целом» была направлена против Спарты, что «ее основной задачей» было «дискредитировать

¹⁸ О политической публицистике Исократа см. Е. А. Миллер, Исократ и второй Афинский морской союз, «Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та», № 39, сер. ист. наук, вып. 4, 1939, стр. 89—134; J. Kessler, Isokrates und die panhellenische Idee, Paderborn, 1911; R. Pöhlmann, Isokrates und das Problem der Demokratie, «Sitzungsber. d. Bayer. Akad. d. Wiss. Philos.-Philol.-Hist. Kl.», I, Münch., 1913, стр. 1—171; J. Mathieu, Les idées politiques d'Isocrate, P., 1925; M. Levi, Isocrate, Saggio critico, Milano, 1959; K. Brिंगmann, Studien zu den politischen Ideen des Isokrates, Göttingen, 1965. Специально «Панегирику» посвящена монография Э. Бухнера — E. Buchner, Der Panegyrikos des Isokrates, Eine historisch-philologische Untersuchung, Wiesbaden, 1958.

гегемонию Спарты в глазах эллинов», как считает Е. А. Миллиор¹⁹. Исократ действительно подвергает суровой критике Спарту за предательство ею общегреческих интересов, но критика эта носит побочный характер; она не исключает для Исократы принципиальной возможности двойного руководства, одновременной гегемонии Афин и Спарты (см. в особенности § 15—18, 129 слл.). С другой стороны, из выдвижения на первый план Афин отнюдь не следует, что целью Исократы было просто подвести идеологическую базу под афинскую архэ и таким образом способствовать возрождению Афинского морского союза (мнение У. Виламовица-Меллендорфа, разделяемое рядом других исследователей²⁰). Цель «Панегирика» заключалась в том, чтобы призвать эллинов к единству под руководством Афин,— не потому, что Исократ был воодушевлен теми же идеями, что и афинские политики, работавшие над воссозданием Афинской державы, а потому, что в тот момент он видел в Афинах единственно возможного кандидата на роль объединителя Эллады; и не ради великодержавного афинского владычества в Греции, а ради общеэллинского похода на Восток. Э. Бухнер, автор новейшего специального исследования о «Панегирике» Исократы, тщательно проанализировав текст речи, убедительно доказал различное содержание политических терминов «архэ» и «гегемония», используемых здесь Исократом. Не выступая в поддержку архэ, Исократ выступает здесь с идеей г е г е м о н и и Афин, т. е. такого первенства, которое основано не на принуждении, а на добровольном подчинении. Уже из одного этого видно, что нет никаких оснований полагать, как это делает, например, П. Клоше²¹, что Исократ в это время являлся сторонником радикальной демократии, судьбы которой были неразрывно связаны с афинской архэ. Но и помимо этого показательной является та консервативная идеализация древнейшего государственного строя Афин (см. § 75 слл.), которая прямо продолжала общую тенденцию антидемократической литературы и позднее нашла еще более яркое воплощение в других произведениях Исократы — в речах «О мире» и «Ареопагитик».

Не против Спарты, не ради Афин и не в угоду демократии был написан «Панегирик». Верность этого негативного определения определяется при рассмотрении второй части «Панегирика» (§ 133 — 186), имитирующей при расмотрении второй части «Панегирика» (§ 133 — 186), имитирующей симбулевтическую, совещательную речь. Вся эта часть посвящена одному — призыву к совместному походу против персов. При этом автор не просто призывает к борьбе с извечным врагом эллинов, не только обосновывает реальную возможность успеха, но и доказывает, что сама эта борьба является единственным средством, могущим избавить Элладу от бедствий, которые она теперь испытывает. «Необходимо,— провозглашает автор,— предпринять этот поход еще при жизни нынешнего поколения, чтобы люди, вместе переносившие бедствия, могли бы воспользоваться и преимуществами, а не провели бы всю остальную жизнь, терпя неудачи... Напрасно теперь заключаем мы соглашения о мире: мы не прекращаем войн, а лишь откладываем их и ожидаем удобного момента, когда сможем нанести друг другу непоправимый вред. Надо отбросить эти коварные помыслы и приступить к тем делам, которые предоставят нам возможность безопасно жить в своих городах и с большим доверием относиться друг к другу... Невозможно сохранить прочный мир, пока мы не начнем общими силами войну с варварами, и не будет согласия среди эллинов, пока они не научатся извлекать выгоду из одного и того же источника и рисковать своей жизнью в борьбе с одним и тем же врагом... Такая война лучшемира...

¹⁹ Миллиор, ук. соч., стр. 92—95.

²⁰ U. Wilamowitz-Möllerndorff, Aristoteles und Athen, Bd. II, B., 1893, стр. 380—390.

²¹ P. Cloué, La démocratie athénienne, 3 изд., P., 1951, стр. 264.

Она полезна и для тех, кто стремится к мирной жизни и кто мечтает о войне. Одни могли бы спокойно извлекать пользу из своего добра, другие — приобрести большие богатства за чужой счет» (IV, 167, 172—173, 182) ²².

Общеэллинская война с персами как панацея от всех бед — вот главный тезис «Панегирика». Такая война явится важным средством достижения политического мира в Элладе, установления согласия между всеми эллинами, между гражданами в каждом отдельном полисе. Отомстить персам за прошлые унижения, перенести бедствия Эллады в Азию, а богатство Азии — в Элладу, сделать варваров подданными эллинов, их данниками, их перизками (§ 131) — такова программа, шовинистический и вместе с тем классово-рабовладельческий характер которой вполне очевиден.

Конечно, пропаганда таких идей могла в какой-то степени содействовать будущему действительному объединению греков и походу на Восток, однако осуществлено это было не под руководством Афин, а под эгидой македонского царя. Исократ сам скоро должен был почувствовать, насколько нереальным было связывать осуществление его программы с возрождением старого, «здорового» афино-спартанского дуализма или даже единоличной гегемонии Афин. Политический кризис 70—60-х гг. IV в., вызванный возвышением Фив, показал полную невозможность достигнуть согласия между ведущими полисами Эллады, тогда как одновременное резкое обострение социальных отношений (достаточно напомнить о знаменитом «скитализме» в Аргосе в 370 г.) должно было многих навести на мысль о банкротстве старых политических систем — как демократических, так и олигархических — не только во внешней, но и во внутренней политике. Закономерным было в этих условиях обращение взоров идеологов полисной верхушки к монархии, к той принципиально отличной от полисных республик форме государственного устройства, которая, казалось бы, одна могла претендовать на роль сильной власти, способной вывести страну из тупика. Что Исократ подобно Ксенофону и Платону (возможно, даже раньше их) также обратил свой взор в эту сторону, доказывается его Кипрскими речами (II, III, IX), созданными как раз на рубеже 70—60-х гг. IV в. ²³.

Ростки этих новых интересов можно обнаружить и в более ранних произведениях Исократов, в частности в речи «Об упряжке» (XVI), датированной приблизительно 396/5 г. Сохранившаяся заключительная часть речи посвящена безудержному прославлению Алкивиада как сильной личности, спасителя государства (см. в особенности § 16 слл.). И в литературном отношении эта речь — зародыш нового жанра, созданного именно Исократом. По форме судебная, она является по существу ранним образцом Исократовых энкомиев, притом нового типа — не в память далеких героев, а в честь недавних современников. Конечно, все эти особенности содержания и формы речи «Об упряжке» были продиктованы скорее общими настроениями и вкусами эпохи, чем осознанным влечением ее автора к новой политической доктрине; более того, в речи можно обнаружить отчетливые следы традиционных полисных воззрений — например взгляд на тиранию как на безусловное зло (см. § 25 сл., 36 слл.) ²⁴, однако все это не должно

²² Перевод К. М. Колобовой.

²³ Анализ взглядов Исократов на монархию посвящена специальная диссертация Г. Келя: H. K e h l, Die Monarchie im politischen Denken des Isokrates, Bonn, 1962.

²⁴ Реминисценции «обычного», отрицательного отношения к тирании можно встретить и в других речах оратора (см. X, 34; IV, 80, 105, 106, 117, 125 сл.; VIII, 89, 91, 111 сл., 142 слл.; V, 154), что, однако, как мы увидим, не исключало для него возможности обращения к тирании как к одному из вариантов сильной монархической власти.

снижать потенциальной значимости того, что было заложено в этом раннем произведении Исократ.

Поводом к оформлению смутных индивидуалистических тенденций в четкую монархическую идею явились для Исократ те отношения, которые связывали его с кипрским правителем Эвагором и сыном его Никоклом. Эти связи первоначально могли установиться через Конона, затем Никокл стал учеником Исократ, а позднее, когда после смерти Эвагора ²⁵ Никокл сам стал правителем, Исократ обратился к своему бывшему ученику с наставлениями, как надо управлять государством и какие отношения должны существовать между правителем-монархом и его подданными. Свои взгляды на этот предмет Исократ изложил и в форме прямых наставлений, обращенных к Никоклу (речь II) или к его подданным (III), и опосредствованно — через восхваление подвигов и деяний Эвагора (IX). Одновременно были выработаны два новых жанра паренетической, увещательной речи и энкомия, посвященного недавно умершему современнику. Последнее особенно примечательно: именно усилиями таких писателей, как Исократ и Ксенофонт, в греческую литературу была привнесена новая, индивидуалистическая струя ²⁶. Образ сильной личности, отдельного героя стал все более затемнять образ народа или государства, вследствие чего литература сделалась одновременно и более художественной, и более тенденциозной.

Принципиальное значение имело развитие Исократом взгляда на монархический образ правления как на лучшую форму правления вообще. С наибольшей полнотой и четкостью это выражено в речи III — «Никокл, или к жителям Кипра» (§ 14—26). Автор прежде всего указывает, что монархическое устройство превосходит все другие более справедливым распределением политических прав и привилегий. «Я думаю, — заявляет он устами Никокла, — все придерживаются того мнения, что самое ужасное — это уравнивание в правах людей порядочных (*υψηλοῦς*) и дурных (*πονηροῦς*), а самое справедливое — тщательное проведение разграничения между ними, с тем, чтобы люди, неравные между собою, не получали и равных благ, но каждый пользовался и положением, и почетом по достоинству. Между тем олигархические и демократические государства всегда добиваются равенства среди тех, кто располагает гражданскими правами, и у них высоко ценится, если один ни в чем не может иметь преимущества перед другим, — обстоятельство, которое наруку дурным людям (*πονηροῦς*). Напротив, государство с монархическим устройством более всего предоставляет привилегий тому, кто в особенности выделяется своим достоинством ²⁷, затем — следующему за ним, потом — третьему, четвертому и так далее по тому же принципу. И если даже это не везде осуществляется на практике, то, по крайней мере, таково намерение монархического государства» (III, 14 слл.) ²⁸.

Конечно, это софистический прием — противопоставлять в данном отношении монархическое государство не только демократии, но и олигархии. И в основной идее (лучший государственный порядок тот, при котором люди пользуются правами в соответствии со своим достоинством), и в терминологии мы узнаем следы старинной аристократической традиции, идущей от Псевдо-Ксенофоновой «Афинской политики». Но тем-то и интересно приведенное высказывание, что здесь мы присутствуем при попытке — пусть не совсем удачной — связать традиционную аристократическую

²⁵ 374/3 г. См. H. S w o b o d a, RE, Bd. VI, 1907, стб. 827, s. v. Euagoras, 8.

²⁶ J. B r u n s, Das literarische Porträt der Griechen im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr., В., 1896, стр. 115 слл.

²⁷ Буквально — «лучшему» (*βελτίστω*).

²⁸ Перевод Э. Д. Фролова.

доктрину с монархическим типом государства. Что дело не ограничивалось, однако, лишь софистической перестановкой акцентов, доказывается следующими рассуждениями автора, подчеркивающего специфические особенности и преимущества монархической системы перед республиканской: профессиональные знания и опыт постоянного правителя («Никокл», § 17 сл.), безусловную личную ответственность (§ 18 сл.), единую волю и дисциплину (§ 22). Общие рассуждения подкрепляются историческими примерами и ссылками на предание и на распространенное мнение (§ 23 сл.).

Если в обращении своем к монархии и в обосновании ее превосходства над другими политическими системами Исократ просто движется в общем русле антидемократических и антиреспубликанских тенденций, характерных для IV века, то в обрисовке конкретных качеств и обязанностей идеального монарха-правителя чувствуется уже более определенное влияние конкретного, а именно, сократического философского течения²⁹. Совершенно в духе этой философии он указывает, что руководитель государства должен прежде всего превосходить остальных граждан своим умом и знаниями (II, 10 слл.; IX, 41). Он подчеркивает вместе с тем, что одного интеллектуального совершенства недостаточно — необходимо еще и нравственное совершенство, ясное осознание правителем своего долга (II, 9, 15 слл.; IX, 42 слл.). Короче говоря, это — первый и лучший служитель государства, видящий в гармонии своих интересов и интересов граждан залог успешного своего правления (II, 15 сл., 21, 31; III, 63). Отсюда следует, что не всякая вообще монархическая власть, но именно власть, воплощенная в монархе с такими качествами, являлась для Исократ идеальной. Общий этический ореол, которым он окружает образ своего идеального правителя, не должен, однако, скрывать от нас исходный социальный мотив всей выраженной здесь доктрины. Что же касается конкретного образца, то таким выступает у Исократ Эвагор — образ, вдвойне любезный его сердцу и в силу личных своих связей с этим правителем, и в силу того, что энергичное выступление Эвагора против персов давало возможность в его лице связать воедино две важных идеи — о преимуществах монархического строя и о походе против персов³⁰. Прославление Эвагора в посвященном ему энкомии не знает границ и к концу превращается в сплошной апофеоз (IX, 70—72), предвосхищая характерное для эллинистического времени обожествление монарха³¹.

Конечно, при оценке монархических идей, выраженных в Кипрских речах Исократ, нельзя не считаться с некоторыми особенностями творчества этого писателя, в частности с его приверженностью в ряде случаев к чисто софистической манере трактовать избранную тему. «Стремящиеся восхвалять кого-либо, — заявляет он в одной из своих ранних речей, — должны уметь обнаружить в нем больше положительных качеств, чем у него есть на самом деле; обвиняющие же должны действовать как раз наоборот» (XI, 4)³². Однако, хотя наш оратор и следует в известной степени этому принципу в Кипрских речах, это не должно снижать значения этих произведений хотя бы как своеобразного показателя современных автору общественных настроений. Более того, есть основания думать, что обращение к теме монархии было для Исократ не случайностью, обусловлен-

²⁹ G o m p r e g z. ук. соч., стр. 180 слл.

³⁰ Впрочем, окончательное воплощение эта идея найдет лишь в более позднем произведении Исократ — «Филиппе».

³¹ Попытки Ф. Тегера поставить под сомнение правомерность такого вывода (см. F. T a e g e r, *Isokrates und die Anfänge des hellenistischen Herrscherkultes*, «Hermes», LXXII, 1937, стр. 355—360; он же, *Charisma*, I, Stuttg., 1957, стр. 123—126) не представляются нам убедительными.

³² Перевод М. Н. Ботвинника и А. И. Зайцева.

Помимо этого, можно указать еще на одно свидетельство, — правда, не столько уже общего интереса Исократу к монархии, сколько конкретных его попыток направить усилия какого-нибудь правителя на служение общеэллинскому делу. Это — начало так, по-видимому, и не законченного письма I, обращенного к сицилийскому тирану Дионисию Старшему (датируется 367 годом). Правда, о каком именно общем благе эллинов намеревался здесь подавать советы Исократ (§ 7), к какой именно совместной с афинянами борьбе хотел он призвать Дионисия (§ 8), остается неясным: имеющаяся в нашем распоряжении часть письма не дает на это ответа. Естественно, напрашивается мысль, что речь должна была идти об осуществлении заветной мечты Исократу об единении эллинов в целях совместной борьбы с варварами ³⁴, однако следует помнить, что это всего только предположение, более или менее вероятное. Надо заметить, что в речах Исократу, относящихся к периоду 70—60-х гг., нет прямого развития той главной идеи, которая воодушевила автора на создание «Панегирика» ³⁵. Резкое ухудшение политической обстановки в Средней и Южной Греции в связи с возвышением Фив, а затем и в самих Афинах в связи с Союзнической войной должно было заставить оратора отложить свои общие и пока еще не слишком реальные проекты и обратиться к более неотложным проблемам.

И прежде всего от внимания Исократ не должно было ускользнуть, какое опасное развитие принял политический и социальный кризис, развившийся в связи с конфликтом между олигархической Спартой и демократическими Фивами. Свое отношение к этому вопросу оратор выразил в речах — «Платейской» (XIV) и «Архидам» (VI), первая из которых составлена в 373 г., а вторая — в 366 г. Обе речи направлены против Фив и это было, по-видимому, связано не только с тем, что возвышение Фив усилило политический раскол в Греции и, следовательно, должно было отдалить осуществление излюбленной идеи Исократа; антифиванские настроения были продиктованы еще и страхом перед растущим демократическим движением, в частности в Пелопоннесе, чему немало способствовала политика Беотийского союза. В особенности эти опасения нашли свое отражение в «Архидаме» (см. § 11, 61, 64 слл.), который явился своего рода

³⁵ Все же надо отметить, что намек на эту идею содержится в речи «Ареопагитик» (§ 84), где оратор призывает подражать предкам, что позволит стать «спасителями» всех эллинов. Позднее, в «Филиппике», оратор так и назовет свою идею — *κοινὴ σωτηρία*. Призыв к осуществлению этой идеи содержится и в письме к Архидаму (IX), даваемом, по мыслимой в нем ситуации, 356 годом (см. В l a s s, ук. соч., стр. 294 сл.; К e h l, ук. соч., стр. 94, 95 и прим.), однако в подлинности этого письма существуют сильные сомнения (см. W i l a m o w i t z - M ö l l e n d o r f f, *Aristoteles und Athen*, II, стр. 394 сл.; C. W o y t e, *De Isocratis quae feruntur epistulis*, Diss., Lpz, 1907, стр. 25—41; M ü n s c h e r, ук. соч., стр. 2203 сл.).

но будем возделывать землю, плавать по морю и предаваться другим занятиям, которые заброшены сейчас из-за войны» (§ 20).

Обвинив афинян в том, что в настоящее время в своих отношениях с эллинами они придерживаются несправедливого и неблагоприятного образа действий (§ 25 слл.), оратор переходит затем к широкому сопоставлению внешней политики нынешних лидеров демократии и той, которой придерживались предки афинян до и во время Греко-персидских войн (§ 36 слл.). «Предки наши, — подчеркивает оратор, — постоянно воевали с варварами за эллинов, а мы сняли с места людей, добывавших себе средства к жизни в Азии, и повели их против эллинов. Наши предки, освобождая эллинские города и оказывая им помощь, удостоились гегемонии; мы же, поработав эллинов и делая обратное тому, что делали наши предки, возмущаемся, если нас не удостоивают таких же почестей, какие имели те» (§ 42).

Таким образом обосновав исторически свою критику внешней политики Афин, Исократ вносит теперь свое главное предложение: он советует афинянам отказаться от пагубных, с его точки зрения, стремлений добиваться гегемонии на море (§ 61 слл.). Он имеет в виду не временное изменение внешнеполитического курса, а именно принципиальный отказ от традиционной морской политики; таким образом, его предложение предусматривало ликвидацию одного из важнейших оснований демократического режима в Афинах, ибо, как об этом необычайно ярко свидетельствует Псевдо-Ксенофонта «Афинская политика», для всех уже была совершенно ясной связь между ростом морского могущества и развитием демократии в Афинах ⁴⁰. Оратор и не скрывает своих надежд на коренные изменения в связи с этим отказом от гегемонии на море. «Я полагаю, — заявляет он, — что мы будем жить в лучшем государстве и сами станем лучшими и преусеем во всех делах, если перестанем стремиться к владычеству на море. Это владычество привело нас к нынешним неполадкам, уничтожило тот демократический строй, при котором наши предки были счастливейшими из эллинов, оно — причина всех бед, которые мы претерпеваем сами и доставляем другим эллинам» (§ 64).

Чтобы доказать этот свой тезис о гибельности для Афин стремления к морской гегемонии, оратор еще раз обращается к сопоставлению настоящего с прошлым, современных демагогов с деятелями времен Греко-персидских войн (§ 74 слл.). Идеализация прошлого служит при этом средством дискредитации настоящего, средством пропаганды, направленной против существующего государственного порядка. В этой критике самих основ афинской демократии, а не только современной внешней политики — главный смысл выступлений Исократа ⁴¹.

Завершая свой рассказ о постепенном нравственном и политическом упадке афинян после их первого захвата власти на море, Исократ подвергает жестокой критике современных вождей демократии, которые якобы и довели государство до такого жалкого состояния (см. § 121 слл.). По их вине «никто из граждан не живет легко и радостно» (§ 127). В особенности тягостно положение богатых людей, задавленных всякими повинностями и преследованиями. Оратор доходит до того, что — совершенно в духе всей остальной литературы олигархического толка ⁴² — объявляет их жизнь более несносной, чем жизнь бедняков. Понятно, что в заключительной части, где указываются конкретные пути избавления от зла (§ 132 слл.), мы встречаемся не только с советами уважать права союзников и дорожить

⁴⁰ Ср. В. Бузескул, Введение в историю Греции, 3 изд., Пг., 1915, стр. 128.

⁴¹ Неправ поэтому Глотц, сводящий содержание речи к трактовке внешней политики Афин (см. G. G l o t z, Histoire grecque, III, P., 1936, стр. 241).

⁴² Ср. P s.-X e n., Ath. pol. passim; X e n., Conv. 4, 29 слл.; Оес. 2, 2 слл.

доброй славой государства, но — и это прежде всего — и с настоятельной рекомендацией изменить управление. Положение в корне изменится к лучшему, поучает оратор, «если мы советниками в государственных делах сделаем таких людей, каких мы хотели бы иметь советниками в наших частных делах, и перестанем считать сикофантов сторонниками демократии, а людей почтенных и добропорядочных (τοὺς καλοὺς τε καὶ ἀγαθοὺς) — приверженцами олигархии» (§ 133). Этот выпад по адресу общественного мнения не должен заслонить от нас того основного факта, что программа преобразований, намеченная в речи «О мире», носила именно антидемократический характер.

Наиболее полное развитие эта программа получила в следующей речи Исократ — «Ареопагитик», датируемой приблизительно 354 г.⁴³ Уже во вступлении оратор четко формулирует основной вопрос своей речи — необходимость принципиальной реорганизации существующего государственного строя (§ 11 сл.). Свое предложение он облекает в форму традиционного призыва вернуться к строю отцов. «Я твердо убежден, — заявляет он, — что лишь эта полития смогла бы не только отвратить грядущие опасности, но и освободить нас от бедствий нашего времени, если бы мы захотели снова вернуться к той демократии, которую установил Солон, самый демократичный из законодателей, и вновь восстановил в ее первоначальном виде Клисфен, изгнавший тиранов и вернувший власть народу» (§ 16)⁴⁴.

Это заявление служит для оратора поводом вновь обратиться к подробному сопоставлению идеального строя отцов и современного порядка (§ 19 сл.). Как и в речи «О мире», восхваление прошлого служит здесь всего лишь полемическим приемом, с помощью которого подвергается критике современный государственный строй и намечаются пути его коренной реорганизации в олигархическом духе. Оратор прославляет систему политического управления в древнейший период, в частности способ замещения должностей: «Наиболее же содействовало хорошему управлению городом то, что, хотя признаются существующими две формы равенства, одна — предоставляющая всем одинаковые права, а другая — воздающая каждому должное, наши предки не обманулись относительно того, какая из них более полезна, но отвергли как несправедливое то равенство, которое требовало одних и тех же почестей для хороших и дурных, и предпочли то, которое оценивает и наказывает каждого по его заслугам. Положив это в основу управления городом, они не замещали должностей по жребию из всех граждан, но отбирали лучших и наиболее способных к тому или иному виду государственной деятельности... Они ясно понимали, что народ, подобно тирану, должен назначать представителей власти, карать провинившихся и выносить решения по спорным вопросам, а люди, располагающие достаточным досугом и средствами к жизни, должны посвятить себя заботам об общественных делах как слуги народа» (§ 21 сл., 26). Управление государством должно принадлежать меньшинству состоятельных и образованных людей — вот к какому итогу можно свести все эти рассуждения автора.

⁴³ Большинство исследователей (Бласс, Дреруп, Мюншер, Матье) относят составление этой речи ко времени вскоре после заключения мира, которым завершилась Союзническая война, т. е. к 355 или 354 гг. Эд. Ме́йер отнес составление речи ко времени самой войны (Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, Bd. V, Stuttg., 1902, стр. 493 сл.), а сравнительно недавно В. Егер высказался за еще более раннюю дату, отнеся создание «Ареопагитики» ко времени перед Союзнической войной (W. Jäger, The Date of Isocrates' Areopagiticus and the Athenian Opposition, «Athenian Studies presented to W. S. Ferguson», Cambr. Mass., 1940, стр. 409 сл.). Справедливые возражения Егеру привел Бухнер (Buchner, ук. соч., стр. 92 сл.).

⁴⁴ Речь «Ареопагитик» цитируется в переводе К. М. Колобовой.

От характеристики политического строя предков оратор переходит к социальным отношениям. Он подчеркивает, что в древнейшее время между гражданами царило согласие; особо отмечает он, что «неимущие в то время никогда не завидовали более состоятельным. Они заботились о знатных семьях как о своих собственных, считая, что от богатых зависит и их собственное благополучие. А люди состоятельные не только не относились свысока к находящимся в стесненном положении, но считали самую бедность среди граждан позором для себя и помогали нуждающимся...» (§ 31 сл.). Нет необходимости доказывать, что описание этой идиллической жизни служит для автора лишь средством выразить свое возмущение по поводу выступлений городской бедноты с их лозунгами кассации долгов и передела земли ⁴⁵.

Однако оратор не ограничивается простым прославлением строя отцов; он хочет указать и на конкретную причину прошлого благоденствия афинян. Этой причиной является существование Ареопага, и вся центральная часть речи (§ 36—55) посвящена прославлению этого древнего органа, который, как подчеркивает оратор, будучи составлен из знатных и доблестных мужей, являлся некогда высшим авторитетом в политической и социальной жизни Афин. Обращение Исократ к теме Ареопага не было, по-видимому, случайным. Другие олигархически настроенные писатели IV в. также обращали свой взор в эту сторону (ср. Xen., Mem. III, 5, 14—20), и их более или менее завуалированные призывы восстановить прежнюю роль Ареопага предвосхищали или, может быть, уже отражали действительные усилия определенных кругов в этом направлении. Во всяком случае, в 30—20-х гг., в пору ослабления и кризиса афинской демократии, мы замечаем несомненную активизацию Ареопага. С его помощью вскоре после поражения афинян при Херонее «виднейшим гражданам» удалось поставить у кормила правления сторонника олигархии Фокиона вместо ставленника демократов Харидема (Plut., Phoc. 16). С другой стороны, из афинского постановления 337/6 г. ⁴⁶ видно, как сильно опасалась демократическая партия выступления Ареопага в поддержку возможного олигархического переворота. Наконец, известно, какую видную роль сыграл Ареопаг во время знаменитого процесса Гарпала в 324 г.

«Ареопагитик» — безусловно наиболее важное и интересное в теоретическом отношении сочинение Исократ, содержащее целостную программу внутреннего преобразования Афин в олигархическом духе. Ни подчеркнутые заверения в преданности демократии, ни демократическая фразеология и софистические парадоксы (вроде того, например, что истинно демократическим государством являются не современные Афины, а... Спарта) не могут скрыть этого основного факта. Совершенно очевидно, что выступление Исократ с такого рода заявлениями должно было вызвать сильнейшее раздражение в господствующих демократических кругах Афин, и несколько позже оратору пришлось специально оправдываться и доказывать свою лояльность по отношению к государству (см. речь XV «Об обмене имуществом», относящуюся приблизительно к 353 г.).

Вообще в те годы Исократ еще не мог рассчитывать на осуществление своей программы в Афинах: демократия была еще достаточно сильна, чтобы воспротивиться такого рода попыткам. Невозможность внутренних преобразований должна была обратить Исократ к поискам внешних средств разращения кризиса, и здесь на первый план вновь выступила идея об объединении греческих полисов с целью совместного похода на Восток. Оставленная ранее вследствие явной неспособности греческих полисов

⁴⁵ Ср. Миллпор, ук. соч., стр. 129 сл.

⁴⁶ Надпись впервые опубликована Б. Мериттом в «Hesperia», XXI, 1952, стр. 355. Русский перевод см. ВДИ, 1963, № 1, стр. 206.

объединиться самостоятельно, она возродилась теперь, когда в связи с возвышением Македонии появилась надежда на ее осуществление под эгидой этой новой политической силы.

К 344 г. относится создание «Филиппа» (V) — большой и носящей итоговый характер в политической публицистике Исократов речи. Она обращена к македонскому царю Филиппу II с призывом выступить инициатором мирного объединения Эллады с целью дальнейшего совместного похода против Персии⁴⁷. Обстановка как будто благоприятствовала такому обращению: сравнительно недавно был заключен так называемый Филократов мир, положивший конец враждебным столкновениям между Афинами и Македонией; более того, был даже заключен оборонительный союз между обеими державами, и в этих условиях выступление Исократ не могло вызвать в Афинах (по крайней мере, официально) каких-либо обвинений в нелояльности. Как и прежде, в единении эллинов, в прекращении междоусобных войн и в организации совместного завоевательного похода на Восток Исократ видит единственное средство к спасению (σωτηρία), к избавлению Эллады от всех ныне угнетающих ее бед. В особенности подчеркивает он выгоды, которые сулит восточный поход. Он обещает Филиппу неслыханную славу, если тот постарается «полностью сокрушить это (т. е. персидское. — В. Б., Э. Ф.) царство или, по крайней мере, захватить как можно больше земли и занять Азию, как говорят, от Киликии до Синопы, кроме того основать города на этой территории и поселить там тех, кто скитается теперь за неимением необходимых средств к жизни и вредит всем встречным» (V, 120)⁴⁸. Однако новым моментом, отличающим эту речь от «Панегирика», является попытка связать осуществление идеи объединения эллинов с руководящей ролью, которая отводится в этом объединении единоличному вождю — сильному монарху. Именно это, ввиду слияния здесь воедино важнейших идей публицистики Исократ, и позволяет назвать речь «Филипп» в известном смысле итоговым произведением оратора.

Впрочем, не следует, по-видимому, преувеличивать степень увлечения Исократом монархической идеей, равно как и его «панэллинизм» (о последнем особенно часто пишут на Западе с тайным или явным одобрением в адрес оратора). Исократ в душе продолжал оставаться идеологом старого полисного устройства, горячим патриотом Афин, и даже в этой речи придерживается взгляда, что полис — единственно приемлемая форма государства для греков (см. V, 107 сл.). Признавая невозможность осуществления своей главной идеи без поддержки македонского монарха, он все же мечтал о мирном объединении Эллады в некое подобие федерации, союза равноправных полисов под эгидой македонского монарха, отводя последнему роль инициативного вождя, благодетеля эллинов, но не самовластного. Подобно некоторым другим писателям IV в., проного царя (см. V, 154). Подобно некоторым другим писателям IV в., проявлявшим симпатии к идее монархии — например, Платону и Аристотелю. — Исократ никогда не мог окончательно порвать с традиционным, полисным политическим мышлением.

Между тем, развитие политических событий очень скоро показало, насколько нереальны были расчеты Исократ на мирное объединение Эллады. Филипп II явно не склонен был ограничиться ролью незаинтересован-

⁴⁷ Издание «Филиппа» обычно относят к 346 г. Обоснование принятой в тексте датировки речи «Филипп», а также ее более детальный анализ см. в статье: В. Г. Борохovich, Исократ и Демосфен. Анонимная полемика как основание для датировки речи «Филипп», «Уч. зап. Горьковск. гос. ун-та», вып. 43, 1957, стр. 138—148. Для оценки основных идей «Филиппа» см. S. Perlman, Isocrates' Philippus — A Reinterpretation, «Historia», VI, 1957, стр. 306—317.

⁴⁸ Перевод В. Г. Борохovichа.

ванного посредника и благодетеля, а греческие полисы, со своей стороны, не спешили расстаться со свободой и независимостью и раствориться в греко-македонской державе. Положение обострялось; назревал новый вооруженный конфликт между Македонией и родным городом Исократы Афинами. Тягостные предчувствия наложили трагический отпечаток на последнее творение оратора — его «Панафинейскую речь» (342—339 гг.). Напрасны были призывы престарелого ратора к сдержанности и взаимным уступкам (ср., например, письмо II «К Филиппу», датируемое 344/3 годом). Ни одна сторона не хотела уступить, и дело кончилось кровавой битвой при Херонее, доказавшей полную иллюзорность последней надежды Исократы совместить несовместимое — полисную автономию и свободу с идеей объединения эллинов под эгидой сильного монарха. Старый ритор не пережил крушения своей надежды: он отказался принимать пищу и умер несколько дней спустя в том же месяце метагейтние на исходе лета 338 г.⁴⁹

§ 3. ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ

В древности называли до 60 произведений, авторство которых приписывалось Исократу, однако из этого числа авторитетные критики признавали подлинными лишь около половины: Цецилий Калактинский — 28, Дионисий Галикарнасский — 25⁵⁰. До нас дошли 21 речь и 9 писем; по-видимому, это в основном именно те произведения, которые были признаны подлинными к началу новой эры. Совершенно очевидно, что критика Цецилия, Дионисия и других древних филологов должна была способствовать постепенному изъятию из обращения заподозренных и отвергнутых специалистами сочинений, хотя древние филологи в этом трудном вопросе установления авторства не были застрахованы от ошибок. Но показательно, что почти все цитаты из Исократы, сохранившиеся у позднейших античных авторов, происходят именно из тех его произведений, которые дошли до нашего времени: помимо двух-трех отдельных слов, приводимых грамматиками, есть лишь одна настоящая цитата, которую нельзя обнаружить в сохранившихся произведениях оратора (это фраза в латинском переложении, в сочинении «О фигурах» (II, 19) римского писателя I в. н. э. Рутилия Луна, заимствовавшего свой материал у ратора Горгия, который в свою очередь был современником Цицерона и, следовательно, писал еще до Цецилия и Дионисия). Разумеется, нельзя исключить, что в составе дошедших до нас произведений Исократы могут быть и неподлинные, но их установление всегда проблематично. Чаще всего подвергается сомнению подлинность речей I («К Демонику») и XXI («Против Евтиноя»), как кажется, без достаточных все же оснований, и ряда писем (III, IV, VI, IX) — этих, по-видимому, с большим на то основанием.

Под именем Исократы в древности имели хождение еще и руководства по ораторскому искусству (*τέχνη ρητορικὴ*), но Квинтилиан подвергал сомнению подлинность одного из таких произведений, находившегося в обращении в его время (Quint., II, 15, 4). Другие были склонны приписать соиздание этих руководств Исократу из Аполлонии.

В современных изданиях сочинения Исократы расположены в порядке, который придал им Иероним Вольф в Базельском издании 1553 г. (в расширенном и снабженном переводом и примечаниями виде оно вышло in folio в 1570 г.), основанном на определенной группе рукописей (так называемая Вульгата). Вначале идут паренетические речи (три), затем эпидей-

⁴⁹ См. Dionys. Hal., Isocr. 1; P s.-P l u t., Vitae X or. 837 e—f, 838 b; Incerti auctoris vita Isocr. p. 105 сл. Dind.

⁵⁰ См. P s.-P l u t., Vitae X or. 838 d; P h o t., Bibl. cod. 260, p. 488 b.

ктические (двенадцать) и в конце судебные (шесть). Последняя судебная речь представляет собой фрагмент, называемый иногда λόγος ἀμάρτυρος по той причине, что в этой речи не приводятся показания свидетелей.

Помимо речей и писем, в риторических школах древности сохранялась память об изречениях (ἀποφθέγματα) Исократа, из которых самым знаменитым, пожалуй, был ставший хрестоматийным афоризм, гласивший, что «корень учения горек, а плод его — сладок».

Существовавшая в древности, по-видимому, единая рукописная традиция сочинений Исократа в средние века оказалась разделенной на две главные ветви. Одна восходит к какому-то унциальному оригиналу, возможно, I или II в. н. э., легшему в основу рукописи Urbinas 111 (Γ), относящейся к IX—X вв. В этой рукописи содержатся 19 речей (нет XVIII и XXI) и 9 писем Исократа⁵¹. К ней восходят позднейшие кодексы Vaticanus 936 (Δ) и Ambrosianus O 144 (E), имеющие, естественно, меньшее значение при восстановлении текста.

Вторая ветвь, так называемая Вульгата, представлена большим количеством рукописей, которые, в свою очередь, делятся на две группы:

1. Рукопись Laurentianus 87, 14 (Θ) XIII в., содержащая лишь 11 речей, но среди них — речь XV («Об обмене имуществом»), которая лишь здесь представлена целиком.

2. Все остальные рукописи, делящиеся, в свою очередь, на две подгруппы: а) рукопись Vaticanus 65 (Α) 1063 г. с многочисленным потомством, и б) более поздние рукописи, например, Parisinus 2932 (Π) XIV в. и др., значение которых для критики текста совсем уж невелико.

II речь в значительной части (§ 1—30) сохранилась на папирусе (Papirus Massiliensis IV—V вв. н. э.). Имеются и другие папирусные отрывки, найденные в большом количестве в Египте, где в эллинистическую эпоху сочинения Исократа пользовались особой популярностью.

В рукописях обеих ветвей произведения Исократа объединены в тематические группы. В рукописи Γ это — энкомии (речи X, XI, XIII, IX), паренетические речи (I, II, III), симбулеватические и иные политические речи, судебные и письма. В рукописях Вульгаты — те же группы, но в другом порядке (на первом месте здесь стоят паренетические речи) и без писем.

Печатные издания сочинений Исократа, как уже указывалось, первоначально основывались на рукописной традиции Вульгаты. Editio princeps речей Исократа было осуществлено Димитрием Халкондилем в 1493 г. Письма были изданы впервые Альдом Мануцием в 1499 г. на основании одного из списков с рукописи смешанного содержания Vaticanus 64 (Φ) 1270 г. Отсюда идет своеобразная традиция Вульгаты для писем Исократа. В 1542 г. в Венеции вышло издание Исократа, где впервые были объединены речи и письма; однако в нем ошибочно было приписано древнему оратору 79-е письмо Феофилакта Симокатты (эта ошибка повторялась в ряде изданий до середины XIX в.).

В рукописи, легшей в основу первого издания писем Исократа, отсутствовало письмо IX — «К Архидаму». Оно было опубликовано лишь в 1776 г. К. Ф. Маттеи на основании рукописи Vaticanus 1347, восходившей к кодексу Φ, а к Γ. Полностью все письма Исократа были опубликованы впервые в составе издания, осуществленного А. Оже (1782 г.). В 1820 г. в стереотипном издании Исократа, вышедшем в издательстве Таухница, впервые полностью была опубликована речь XV, а в 1823 г. вышло в свет издание Исократа, подготовленное И. Беккером, который первым использо-

⁵¹ Подробное описание этого кодекса — A. Martin, La manuscrit d'Isocrate Urbinas CXI de la Vaticane, P., 1881.

вал рукопись Г. С тех пор критические издания Исократы осуществлялись на основании главным образом этой древнейшей и наиболее ценной рукописи Г, с привлечением в качестве дополнения других, менее важных — в первую очередь Θ, Λ и Π.

* * *

Мы остановились подробно лишь на одной, правда важнейшей, стороне литературной деятельности Исократы — его политической публицистике, выделив особо те речи, которые в известном смысле могут служить вехами в его творческой биографии («Панегирик», Кипрские речи, «О мире», «Ареопагитик», «Филипп»). Сказанного достаточно, чтобы получить представление о месте Исократы в истории греческой политической мысли. Хотя его идеи, антидемократичные в своей сущности, не вызывают у нас сочувствия, мы должны отдать должное его знанию эпохи и людей, его гибкости и одновременно твердости в защите избранных им позиций, как в политике, так и в жизни, наконец, его прозорливости, с которой он сумел предугадать многое в будущем политическом развитии Эллады и подготовить в известном отношении для этого будущего почву (хотя бы только в общественном мнении). Можно по-разному оценивать значение его деятельности, но нет сомнения в том, что он, так же как и его современник Ксенофонт, был предтечей эллинизма⁵². Все говорит об этом: и политическая программа оратора, предвосхитившая важнейшие свершения и черты эллинистической эпохи (поход на Восток, торжество монархического строя, культ властителя), и особенности его литературного творчества, в частности разработка новых жанров (энкомий нового типа, биография и автобиография), отражавших повышенный интерес к личности, и, наконец, сугубо письменный, «литературный» характер его красноречия, предвосхитивший черты «книжной» александрийской культуры.

Не сразу, однако, было осознано во всей полноте историческое значение этого писателя. Древность была склонна видеть в нем прежде всего ритора — мастера речи, доведшего искусство письменной ораторской прозы до высшего совершенства. Уже для Аристотеля Исократ — непревзойденный образец красноречия; ссылками и цитатами из Исократы испещрена его «Риторика». Таким же образцовым, нормативным ритором остался Исократ и для более поздних эпох в истории античной культуры. Цицерон назвал его *pater eloquentiae* (De or. II, 3). Для античного ценителя речи Исократы были прежде всего произведениями искусства: менее интересующая содержанием, он восхищался прежде всего их ф о р м о й. Они были рассчитаны на произнесение вслух перед аудиторией опытными чтецами, и чтение их, скорее всего, было близко к мелодекламации⁵³. Об этом говорит и общее ритмическое членение его речи, особой благозвучности которой способствовало старательное недопущение зияния и стройные, хотя и несколько, с нашей точки зрения, затянутые периоды, и антитетическое построение фразы, и богатство синтаксических оборотов, и изощренность в использовании метафор и эпитетов, и сама изысканность изложения. Художественная речь Исократы стала до известной степени нормой, и в этом следует искать одну из причин последующего не совсем здорового увлечения риторикой, которое мы наблюдаем у большинства писателей поздней античности.

⁵² Ср. характерное название последней главы в работе Марко Леви: «I prodromi di ellenismo».

⁵³ Мы находим указания на принципы художественного чтения в речи «Филипп» (§ 26 слл.).

В новое время творчество Исократы стало объектом внимательного изучения как филологов, литературоведов, так и историков, обративших особое внимание на идеи его политической публицистики, на их связь с действительной жизнью и возможное влияние на развитие событий. Литература об Исократе велика (ее обзор можно найти в трудах Е. А. Миллиор, К. Мюншера, К. Брингмана). Однако изучение творческого наследия Исократы не следует считать исчерпанным, и как политические воззрения оратора, так и художественная форма его произведений, а также сам конкретный материал исторических фактов, который содержится в его речах и может быть привлечен при изучении истории Греции позднеклассического периода, — все это может стать еще предметом самых обстоятельных изысканий.

В. Г. Борухович, Э. Д. Фролов

УКАЗАТЕЛЬ*

А

Аброкома — IV, 140
 Автократор — п. VII, 10
 Агамемнон — XII, 72—89
 Агенор — п. VIII, 1
 Агесилай — IV, 144, 153; V, 62, 86, 87;
 VI сод.; п. IX, 11, 13—14
 Агиррий — XVII, 31, 32
 Агис — VI сод.
 Адраст — IV, 54, 59; X, 31; XVI, 168—
 170
 Адриатика — V, 21
 Азия — II, 5; IV, 82, 83, 88, 126, 133,
 142, 146, 149, 154, 162, 166, 178, 179, 186,
 187; V, 62, 66, 76, 83, 86, 89, 100, 104,
 111, 120, 123; VI, 27, 54, 63, 84; VIII,
 42; IX, 54; X, 41, 43, 51, 67; XII, 47,
 60, 83, 103, 106, 107; XIV, 59; п. II,
 7; п. III, 2; п. IV, 7; п. VIII, 8; п. IX, 8
 Анд — X, 20, 39; XI, 8
 Акрополь
 в Афинах — V, 146; VII, 65; VIII,
 47, 92, 126; XV, 234, 307, 319; XVII,
 18, 20, 34
 в Фессалии — VIII, 118
 в других городах — IV, 123, 137
 Алкивиад
 предок Алкивиада, сына Клинния —
 XVI, 26
 сын Клинния — V, 58—61, 67; XI,
 5; XVI, *passim*
 сын предыдущего — XVI, 1, 45
 Алкмена — X, 16, 59
 Алкмеон
 сын Мегакла — XVI, 25
 философ — XV, 268
 Алкмеониды — XVI, 25
 Амадок — V, 6
 Амазонки — IV, 68, 70; VI, 42; VII, 75;
 XII, 193
 Аминта — IV, 126; VI, 46
 Амфиктиония, амфиктионы — V, 74; XV, 232
 Амфиполь — V, 1, 2, 5, 6; VI, 53; VIII сод.,
 22
 Амфитрион — X, 59
 Анаксагор — XV, 235, 268
 Анаксимен — X сод.

Анит — XI сод.; XVIII, 23
 Анталкид (Анталкидов мир) — IV, 115,
 175, 180; VII, 16; VIII, 68; XII, 106
 Антикл — XV, 93, 94
 Антипатр — IV, 9; п. III, 1
 Аргос, аргивяне — IV, 54—60, 64, 65;
 V, 30, 32, 51, 52, 74; VI, 18, 99; VIII,
 100; X, 68; XII, 42, 46, 72, 80, 91, 159,
 169, 173, 177, 253, 255, 256; XIV, 53;
 XVI, 1, 9; п. III, 2
 Ареопар — VII, 37 слл.; XII, 154
 Арес (Арей) — IV, 68; XII, 193
 Аристид —
 сын Лисимаха — VIII, 75
 Элий Аристид — VIII сод., XIV сод.
 Аристотель — VII сод.; XIII сод.
 Артемисий — IV, 90
 Архестрат — XVII, 43
 Архидам
 спартанский царь V в. до н. э. — VI сод.
 спартанский царь IV в. до н. э. — VI
 сод.; п. IX, 3, 11, 18, 19
 Архин — XVIII, 2
 Аспенд — XVI, 18
 Атарней — IV, 144
 Атика — IV, 86, 93, 108; VIII сод.; X,
 19
 Афарей — п. VIII, 1
 Афидна — X, 19
 Афина — X, 41; XII, 193; XV, 2
 Афинодор — VIII, 24
 Афины — I сод.; IV, 23, 64; V сод.; VI
 сод., 30, 41, 104; VII сод., 1; VIII сод.;
 X, 35; XI сод.; XV, 166, 172, 299;
 XVI, 27, 29
 Афон (канал Ксеркса) — IV, 89
 Афродита — X, 41
 Ахилл — IX, 17, 18; X, 52
 Аякс — IX, 17, 18

Б

Батэ — XVIII, 10
 Беотия, беотийцы — V, 43; VIII, 115;
 XII, 93; XIV, 33, 35; XVIII, 49
 Брасид — VI, 53
 Бусирис

* Составлен Т. В. Пурушакевич. Сокращения: п. — письмо, сод. — содержание, предшествующее речи.